

СВЕЧА

Дождь лил не переставая. Мы сидели в палатке и бездельничали. Ник лежал поверх спальника и листал мартовский номер журнала «Здоровье».

– Послушай! Тебе, как кулинару, будет интересно – сказал он. – Вот, что может приготовить мужчина для своей жены к Международному женскому дню восьмое марта, – и стал читать вслух занудный кулинарный рецепт какого-то сложного блюда.

Я немного послушал и заметил, что для изготовления этого блюда из двух десятков необходимых ингредиентов в нашем распоряжении имеются только вода и соль.

– Но зато в изобилии, – ухмыльнулся Ник.

Мне остался для чтения старый журнал «Природа», откуда я узнал, что если ядро атома увеличить до одного сантиметра, то диаметр внешних электронных орбит при этом составил бы около ста метров, атом практически пустой.

Я поделился своими соображениями с Ником.

– Подумаешь, – невозмутимо отмахнулся он, – я и так это знал.

– Да, но из это следует, что ты, например, практически «пустое место», – сделал я изящное умозаключение.

– Сам ты – «пустое место», – огрызнулся Ник.

– А вот скажи, что находится в атоме между ядром и электронами?

– Ясно что, электромагнитное поле.

– Эх ты, умник, а тут написано воздух.

Ник на секунду опешил, но быстро понял, что я его разыгрываю. Он отложил журнал и взял в руки иголку с черной ниткой. Скупыми мужскими стежками «внахлест» он принялся зашивать край разорванного белого вкладыша. Разгладив ладонью кривой уродливый шов, Ник любовался завершённой работой, отложил вкладыш и раскрыл свою черную тетрадку. Наверняка писал стихи про страдания и любовь!

Чтобы не мешать творческому процессу, я накинул брезентовый плащ и отправился погулять. У палатки, под мелким морозящим дождем, печально опустив уши, сидел Бам. «Во, погодка! – говорил его взгляд. – Мрак!»

Пес с надеждой посмотрел мне в глаза, пытаясь угадать, не собираюсь ли я на охоту. У Бама на уме была только охота.

– Иди к нам в палатку, обсохни! – предложил я Баму, подталкивая его ко входу в палатку. Тело собаки сразу напряглось.

Бам крыши над своей головой не признавал. Еще в начале дождя мы попытались затащить его под тент. Всегда добродушный пес вдруг уперся, как кабан, а через несколько минут наших усилий сдержанно зарычал, предупреждая: «Хватит, мужики, ерундой заниматься, никуда я не пойду, отстаньте по-хорошему».

Несмотря на плохую погоду, настроение у меня было отличное. Я отправился посмотреть на реку. Серая от дождя вода плавно и быстро катилась вниз. Облака на минуту разошлись и вдруг посветлело. И тут мне показалось, что на скале посередине реки сидит обнаженная девушка с распущенными длинными волосами и печально смотрит на пузырящуюся воду. Видение быстро исчезло, скала была пустая. Поразмыслив, я решил, что это, наверное, была Муза – греческая богиня, покровительница искусств и наук, посетившая Ника и теперь спешащая к другому поэту. Вообще-то Муза меня никогда не посещала, и как ехидничал Ник правильно делала. Но тут я решил воспользоваться такой счастливой встречей и попробовать себя в

стихотворчестве. Передо мной плавно текла река, на середине которой нырял одинокий крохаль. Может быть не очень совершенно, но как-то сами в рифму сложились слова:

«Я вижу водоем
И утку в ём».

Но на этом всё и закончилось. Вдохновение покинуло меня навсегда, и Муза впредь стала осмотрительней.

Однако шедевр был уже создан. Я вернулся в палатку и прочитал обалдевшему Нику свой первый стих.

– Импрессия! – сходу определил Ник художественный стиль моего произведения и крепко пожал мне руку. – Особенно лирично звучит слово «водоем», удачно срифмованное с редким местоимением «ём». Если хочешь прослыть гуманистом, никогда не рифмуй слова.

– А что такое «импрессия?»

– Впечатление, – усмехнулся Ник, – слышал об импрессионистах?

Я был страшно доволен. Кто хоть раз в жизни сочинил стих, меня поймет.

– Послушай, а если песню написать на эти стихи? – я придуривался автоматически, чтобы скоротать время.

– Какие стихи? – не понял Ник, поднимая голову от тетрадки.

– Ну, как-нибудь так:

Я вижу,
я вижу,
я вижу водоём!
И утку,
и утку,
и утку в ём!

Ник от неожиданности даже крикнул.

– Причем, во втором куплете можно петь: «Он видел...», а в третьем: «Мы видим, мы видим...» А?

– Лихо! – наконец изрек Ник.

– Конечно, настоящие барды за такие слова меня немедленно кастрировали бы, чтобы подобные сочинители больше не плодились. Но для эстрады много слов и не нужно, верно? Там главное мотивчик, да если еще приделать веселенький припев типа:

– Та... – ри... – ра...

Пупа,
Пупа,
Пупа,
На поморе,

Ти-ра-ра, – то получится отличный шлягер. Представляешь: яркие софиты, переполненный ревущий зал, потная, мечущаяся от возбуждения публика.

– Козьма Прутков любил повторять: «если у тебя есть фонтан – заткни его, дай отдохнуть и фонтану».

Мне нечем было заняться и хотелось куда-нибудь пристроить стих. Тут я вспомнил, как брательник хвастался, что уже сочинил эпитафию себе на памятник: «Гена пожил!» – просто, но со вкусом!

– Послушай, – снова пристал я, – а если слова немножко переделать, то получится отличная эпитафия на постаменте моего памятника. Представляешь: грубо обтёсанная гранитная глыба и на ней высечено:

«Он видел водоём!
И утку в ём!»

Подавленный величием моего произведения, Ник молчал, а может просто ничего не слышал. Он строчил очередное письмо жене.

– Где твоя удочка? – я снова накинул плащ.

– На берегу.

– А мушки на хариуса?

Ник раскрыл свою полевую сумку и в этот момент я стащил у него сигарету. На рыбалку я не собирался. Сунув в карман коробку с мушками, вышел и спокойно покурил на берегу реки.

Дождь не унимался. Захотелось есть. Из эмалированного ведра я достал подсоленного хариуса и на примусе под навесом быстро поджарил шесть рыбин.

– Ты жареную рыбу есть будешь? – спросил я, возвратившись в палатку.

Ник насторожился, пытаясь сообразить, неужели я так быстро смог наловить рыбы и её пожарить. Он тихонько понюхал воздух в надежде учуять специфический запах.

– Какую рыбу? – деланно удивился Ник с целью прояснить ситуацию.

– Что ты крутишь, хариусов, конечно. Будешь или нет?

– Буду, – не очень уверенно, как бы на всякий случай, буркнул Ник.

– Так чего ты лежишь? Иди, поймай и пожарь.

Ник сразу обиделся. Вот натура, уж и пошутить нельзя. Когда я принес сковородку с жареной рыбой, он тут же подобрел. Мы быстро съели хариусов.

Шум дождя по брезенту перекрыл рев двигателя, в лагерь пришел вездеход. Вернулись начальник и Макс.

Дождь поливал, не переставая, целый день. Вот сезон нам выдался. В прошлом году на Памире за два месяца не было ни одного дождя, а тут чуть ли не каждый день. Даже когда были хорошие дни, то в двенадцать часов дня, как по расписанию, обязательно начиналась короткая гроза.

Река вздулась, разлилась и стала чуть ли не шире Невы. На другой день я обнаружил за нашей палаткой еще одно русло. Река незаметно обошла нас стороной, так что мы оказались на острове.

Дергаться было рано, и мы в ожидании прекращения дождя сели играть в преферанс. Начальник сходу проиграл шесть рублей и тут же выложил их на стол. Я объяснил ему, что мы обычно играем в «комсомолку»: кто в общей сложности проигрывает больше всех – в конце сезона выставляет бутылку на отвальную.

– Карточный долг – священный долг, – назидательно заявил начальник и деньги назад не взял.

Мы отложили их в общую копилку на отвальную. К вечеру мы с Максом подловили начальника на мизере, да еще на тройной бомбе и всучили ему восемь взяток на длинной масти. По традиции, мы вставанием приветствовали отчаянность и везучесть игрока. Внешне, начальник был абсолютно спокоен, но внутри, вероятно, просто визжал от ярости. Он проиграл двести пятьдесят рублей – почти месячную зарплату. Мы его деньги никогда не взяли бы, но интересно, как быть со «священным карточным долгом». Начальник просто и элегантно промолчал, мы тоже. Но в конце сезона он, как и положено по правилам, выставил на отвальную бутылку.

Тем временем вода подступила к самым палаткам. Новая протока бурлила и становилась все глубже. Пора было сматываться. Быстро сняли и погрузили на вездеход мокрые палатки. Подъехали к ревущему потоку, серой массой несущемуся вниз. Форсировать реку собрались прямо напротив лагеря, где мы много раз переходили ее вброд, отправляясь в маршрут. Раньше здесь было всего лишь по колено воды. Макс, стоя на

капоте, шестом измеряя глубину реки впереди вездехода. Постепенно глубина стала такая, что вездеход мог всплыть. Водитель забеспокоился, но Макс и начальник уверили его, что проехать можно, а если вездеход немножечко всплывет, то ничего страшного не произойдет, он же амфибия.

– Вперед! – махнул рукой начальник, чувствуя себя адмиралом.

Для того чтобы плавать на вездеходе, следовало подтянуть гусеницы и прикрепить к ним специальные лопасти. Но водитель тоже махнул рукой, залез в кабину и вездеход медленно тронулся вперед. Когда до противоположного берега оставалось совсем недалеко, машина всплыла. Поначалу ничего страшного не произошло. Но мощное течение подхватило вездеход и, плавно вращая, понесло в стремнину. Все засуетились, но было уже поздно. Нас вынесло на глубину и ударило о завал. Сильное течение сорвало с колес левую гусеницу, машина потеряла балансировку, наклонилась на правый бок, черпнула в кузов изрядную дозу воды и быстро, как утюг, затонула.

Нам повезло – было не очень глубоко. Если бы не течение, то можно было бы стоять на крыше вездехода по грудь в воде. Опытный шофер выскочил из кабины первый, а мы и так стояли в открытом кузове, поэтому все благополучно оказались на поверхности воды. Я плыл с гитарой в руке, держа Бама за хвост. Из затонувшей машины всплыл выючный ящик и в сопровождении двух вздувшихся пузырями палаток и нескольких спальных мешков уплыл вниз по течению. Палатки зацепились за прибрежные кусты, и мы их благополучно вытащили вместе со спальниками. Выючник пропал, наверное разбился ниже на порогах.

Выжали мокрую одежду и собрались держать совет. Начальник раскрыл кожаную полевую сумку, где хранил наган, топографические карты, запаянный полиэтиленовый пакет с документами, и достал герметичный пластмассовый пенал с завинчивающейся крышкой. Заинтригованные, все с напряжением наблюдали как он, не торопясь, свинчивает крышку. Как будто там находилась волшебная палочка, способная вытащить наш вездеход из-под завала. В пенале лежали ветровые спички и шесть сигарет. Это было удивительно, так как всем было известно, что начальник не курит. Он молча раздал всем по сигарете, в том числе и мне, и закурил сам.

«Закуришь тут, когда новенький вездеход утопил», – мысленно посочувствовал я начальнику.

– Будем нырять за снаряжением, – начальник выбросил в реку недокуренную сигарету и посмотрел на нас с Ником, – а мы вас подстрахуем.

«Интересно, как вас страховать будут, криком что ли?» – ехидно заметил мой первый внутренний голос.

– Свяжем растяжки от палаток. Одну веревку на пояс нырятьщика, а вторую он будет привязывать к ящикам в машине.

«Такое приключение еще поискать надо! Всю жизнь помнить будешь, как вездеход утопили», – ободрил меня второй внутренний голос.

Начальник оказался прав. Дело пошло на удивление быстро: я нырял и привязывал очередной ящик, водитель и Макс тянули, а Ник сопровождал груз до берега. Вытащили даже печки. Но, в целом, разгружать вездеход под водой совсем не легкое дело. Вскоре большой костер согревал наши голые посеревшие от переохлаждения тела.

Выяснилось, что в ящике, который уплыл вниз по течению, была фляга с остатками спирта, запасные марлевые пологи и накомарники. До поздней

ночи мы сушили у костра промокшие ватные спальники, но так и пришлось всю ночь мучаться в сырых.

Утром, при контрольном нырянии, выяснилось, что под вездеходом сорванной гусеницы нет и, возможно, её смыло в яму под заломом.

После ныряния мы отогрелись в палатке, развалившись на спальниках. Уютно гудящая печка обдавала наши тела приятным жаром. Сквозь монотонный шум дождя по брезентовой крыше мне вдруг показалось, что где-то вдалеке послышался едва различимый, характерный треск мотора, похожий на звук пускателя дизельного трактора.

– Откуда тут быть трактору? – не поверил начальник моему сообщению.
– До ближайшего поселка тринадцать километров, дорог нет.

В лагерь неожиданно пришел местный охотник с карабином за плечами и чудесной остроносой лайкой. Наш Бам сразу оживился и начал приставать к лайке, но она скалила зубы и грызлась на назойливого кобеля.

Охотник был явно навеселе, и на его голове красовался новенький накомарник с синим штампом ВСЕГЕИ. Он поинтересовался, все ли у нас живы и не нужна ли помощь. Выпив чаю, охотник сообщил, что ниже по течению на порогах нашел наш разбитый на камнях вьючник и разбросанные по всей реке марлевые пологи и накомарники. Стало ясно, от чего охотник такой веселый. С виноватым видом, протягивая начальнику пустую алюминиевую флягу, он вдруг быстрой скороговоркой произнес:

– Там был спирт, я выпил, можно?

Охотник сообщил нам ещё одну новость: в прошлом году, осенью, ниже по течению на делянке застрял трелёвочный трактор, у которого заклинил двигатель, и тракторист сейчас его перебрал и завел.

– Бежим скорее к нему, – возликовал начальник.

– Он уже в поселок ушел – сегодня там баня. Тракториста Егором зовут.

– Анатолий, пойдешь в поселок и приведешь тракториста. Скажешь ему, что ставлю ящик водки, – распорядился начальник.

Вообще это были обязанности нашего завхоза, то есть Макса. Но в нашем отряде спорить с начальником не полагалось. Обычно полевая инструкция геологической партии состояла всего из двух пунктов:

1) Начальник всегда прав!

2) Если начальник не прав, смотри пункт 1.

Полевая инструкция Скалистой партии включала в себя только один первый пункт, чтобы подчиненные не путались.

К нам подошел Бам и приветливо махнул хвостом. Он с надеждой на меня посмотрел, так как не прочь был прогуляться в поселок и познакомиться с местными собаками.

– Гуляй! – недовольно махнул рукой Макс, и Бам, опустив уши, поплелся к реке.

Я надел плащ, взял старое ружье и двинул к поселку. Вдоль реки шла едва заметная старая лесовозная дорога, сильно заросшая кустами и молоденькими пихтами. Через три часа, мокрый насквозь, я подошел к деревне, и даже вездесущие собаки меня не встретили. Первый дом у окраины поселка был магазин. На завалинке под навесом сидели две женщины, одна пожилая с добрым русским лицом, вторая маленькая старушка с бесцветными слезящимися глазами.

Я поздоровался и вошел в тесный магазинчик. За прилавком стояла потрясающе красивая девица.

– Какой мокрый парниша к нам пожаловал! – немного развязно произнесла она, изображая из себя Эллочку Людоедку.

Такой красивой девушки я не видел никогда в жизни, даже на обложках журналов.

– Лена, – отрекомендовалась продавщица и так на меня взглянула, что я чуть не покраснел.

Я не знал, что сказать и попросил сигареты.

– Вы курите с фильтром или без? – улыбнулась девица, без сомнения сразу меня раскусившая.

– Без! – с достоинством ответил я.

– По какому случаю прибыли в наши края? – насмешливо поинтересовалась она, протягивая мне сигареты и закуривая сама, – на танцы?

– Назначен к вам воеводою, – не очень удачно пошутил я.

– А по дороге в речке искупался? – девица бросила мне полотенце.

Я насухо вытер голову, и хотел отдать полотенце, но она слегка повела совершенно безумными глазами и тихо приказала:

– Весь вытирайся.

– Я снял мокрую энцефалитку и вытерся по пояс.

– А ниже что, стесняешься? Не бойся, не таких видали! Иди за печку, я отвернусь и не буду разглядывать твои прелести.

– У нас вездеход утонул в реке, километров пятнадцать выше по течению, – рассказал я продавщице, все ещё смущаясь от ее красоты, – а там рядом оказался трелевочник и его тракторист из вашего поселка. Егором его зовут, знаешь такого?

Лицо продавщицы вдруг неузнаваемо изменилось, стало злым, жестоким, некрасивым. Ярко накрашенные губы сжались, и она отшвырнула ещё не зажженную длинную сигарету.

– Знаешь! – почти выкрикнула продавщица. – Одевайся и сматывайся отсюда, я закрываюсь, – грубо закончила она.

Я сгреб в кучу стоящий колом мокрый брезентовый плащ и вышел на улицу. Старушки оживились при моем появлении и подвинулись, предлагая сесть на скамейку. Я присел и закурил.

– Откуда ты, молодец?

– Из лесу, вестимо.

– Беглый что ли?

– Ну, вот, сразу обо всем догадались. Заметно? Политический я – комсомолку изнасиловал.

– По одежке геолог и, наверное, из Ленинграда? – догадалась женщина.

– А то сразу «беглый».

– Ленка наша понравилась? – неожиданно спросила она.

– Красавица!

– Первая в районе, из города свататься приезжали.

– Только уж больно злая она.

– Несчастная, бог за красоту покарал.

– Ловко, сам красоту дал и сам же за неё покарал? – не выдержал я.

– Не богохульствуй! – осадил меня женщина, а старушка при этом согласно закивала трясущейся головой.

– Молчу! – я поднял руки.

Старушкам очень хотелось поговорить с новым человеком. Сзади хлопнула дверь и на крыльцо вышла продавщица. Закрывая дверь магазина, она топнула ногой, словно необъезженная молодая кобылица, тряхнула гривой русых волос и, ни слова не говоря, прошла мимо. Я посмотрел ей вслед и ещё раз отметил, что у неё отличная фигура.

– Такие у нас дела, – соседка осенила крестом вслед удаляющейся продавщице.

– Егор мне нужен, тракторист, где он живет, не подскажете?

– Вот почему она на тебя разозлилась, – определила старушка, – небось, про Егора её спросил?

– Ну, спросил, а что такого?

– Четыре года назад Ленке было семнадцать, и собралась она замуж за Егора. Пара была – раз в сто лет так совпадает. Егор красавец, что Иван-царевич, Ленку ты видел. На свадьбу изготовили пригласительную открытку и их фотографии на ней пропечатали – как два голубка, – бабка вздохнула. – И тут беда пришла тучей черною, тучей черною, неминуею.

– Бабушка мне уже страшно, – не выдержал я, – уж, не Змей ли Горыныч к вам прилетал?

– Ты Иванушка-дурачок слушай, что тебе старшие рассказывают, да помалкивай, – одернула меня бабка. – Так вот, за год до этого, приехала к нам в поселок новая библиотечка, после техникума направили культуру на селе поднимать. Девка вроде обыкновенная: тонюсенькая, чернявая да еще и горбатенькая. Зато глазищи у нее шальные какие-то. Начнет говорить о своих книжках, так вся светится.

Потянулся народ к библиотеке, сначала дети, а через них и взрослые. В нашей библиотеке она работала три дня в неделю и еще по одному дню в других поселках, книги стала возить туда-сюда, да и по почте чуть ли не каждый день из района новые книги присылали. Совсем завалила книгами, очумел народ, в библиотеке очереди появились.

Однажды в нашем клубе эта библиотечка вышла на сцену с гитарой, зажгла свечу и стала петь какие-то сатанинские песни. Голос у неё дрожал, будто вот-вот заплачет. Мужики прямо как опиумом обкурились. Егор и его дружок Вовка стали каждый день в библиотеку наведываться, сначала за книгами, а потом и так просто. Вовка первый и охмурил библиотечку, да и женился вскоре. Егор тоже влюблен в неё был, но не мешался. Друзья они с Вовкой с детства, в армии вместе служили, в танке вместе горели.

И тут Вовка стал ревновать свою жену ко всем подряд, кто в библиотеку ходил, обезумел человек просто, и себя замучил, и её замучил, да ещё и спился совсем к тому же.

А Егор собрался на Ленке жениться, свадьбу на осень назначили, и тут библиотечка развелась с мужем.

Вовка запил, завербовался к геологам и сгинул. А у библиотечки через некоторое время дочь от него родилась.

И что ты думаешь? Егор сказал Ленке «прости» и женился на горбатой библиотечке с ребенком. Ленка была просто в шоке – позор на всю округу, да и Егора она любила как сумасшедшая. Месяц её бабы охраняли – думали руки на себя наложит, но обошлось. И тут вернулся Вовка из экспедиции, весь при деньгах, расфуфыренный. Как прознал он про свадьбу, напился, пошел на танцы и чуть ли не всех наших мужиков побил, сила у него нечеловеческая какая-то образовалась. Только своего дружка Егора не тронул, будто ничего не произошло.

Бабы наши роптать стали: свои девки хоть на ВДНХ посылай, а два самых красивых парня с ума сошли от горбуни. Тут и прошел слух, что ведьма она и околдовала ребят. Но Вовка, как прознал про это, так всем бабам и объявил, что если ещё какую глупость про библиотечку услышит, то будет бить их мужиков до тех пор, пока они своих жен не образумят. А он на расправу скорый, на него управы нет.

Вот так. Дочке Вовкиной уже три года и она говорит, что у неё два папы: папа Егор и папа Вова. Так втроем и гуляют по поселку – срамота одна. А Ленка все бесится, и вены себе резала и в город уезжала, не может Егора из сердца выбросить и всё.

Помолчали.

– Так, где мне Егора найти?

– Баня сегодня, женский день, и он наверняка придет свою жену с дочкой встречать. Дойдешь до моста, а там и баня у реки.

– Спасибо, доброго вам здоровья, – я откланялся.

У моста стояла большая свежесрубленная баня. Я завернул за угол и направился вдоль стены, но оказалось, что вход с другой стороны. А здесь был спуск в купальню, в которой плескались три голые распаренные девицы. Я успел отметить, что бабки правы и девки в этом селе первый сорт, все у них было на месте. Увидев меня, девицы дружно и радостно заорали, как на стадионе, и, ни сколько не смущаясь своей наготы, вдруг бросились ко мне, выкрикивая:

– Иди к нам, лохматенький, не бойся. Мы тебя попарим, да спать уложим!

Я убежал за дом, и слышно было, как ржали девицы в купальне. С другой стороны был вход в баню. На лавке у бревенчатой стены отдыхали несколько женщин. На краю лавки сидел красивый парень. У него были русые волнистые волосы, голубые глаза и короткая светлая кучерявая борода. По виду – чистый новгородский купец. Перед ним стояла маленькая девочка, и отец тщательно расчесывал её мокрые черные и уже длинные волосы.

«Это и есть Егор», – подсказал мне первый внутренний голос.

Парень обернулся. Он, видимо, слышал крики в купальне и усмехнулся:

– Что к русалкам угодил?

– Да, чуть не утащили. – пошутил я. – Ты Егор?

– Точно, Егор!

Рассказав трактористу суть дела, я упомянул про ящик водки.

– Я мзду не беру, а тем более с людей попавших в беду! – чуть не обиделся Егор. – Помогу! Ну, а выставить бутылку к обеду вам никто не мешает. Завтра в десять утра буду на делянке, подъеду и вытащу вашу амфибию.

– Спасибо, – поблагодарил я и собрался идти.

– Постой, – остановил меня Егор, – ты куда направился?

– Назад в лагерь.

– В дождь, на ночь глядя? Садись, покури, сейчас хозяйку дождемся, и все вместе пойдем.

Из бани вышла молодая женщина с завязанным вокруг головы полотенцем. Розовые пятна на бледной коже делали некрасивым её лицо. Горб почти не выделялся. Я мысленно сравнил её с красавицей Ленкой и тоже подивился на выбор Егора.

– Это геолог, в беду они попали, вездеход в реке утонул, завтра пойду помогать, – сказал Егор жене.

– Саша, – представилась женщина.

Неожиданно лицо её осветила улыбка. Именно осветила. Я сегодня уже видел чудо, как злоба стирает с лица красоту, а теперь увидел, как улыбка делает красивым невзрачное лицо.

Мы пошли к Егору домой. Я очень понравился маленькой девочке, и она взяла меня за руку.

– А где ты живешь? – поинтересовалась она.
– В лесу живу.
– Вместе с волком и лисичкой?
– Ну, не то чтобы уж совсем вместе, но вообще-то рядом.
– А ты волка видел?
– Да, один раз.
– А почему только один?
– Не любит он с людьми встречаться.
– А лисичку?
– Нет, не видел.
– Лисичка нехорошая! – вдруг заявила девочка.
– Это почему же нехорошая? – я даже обиделся за лисичку.
– Потому что она курочек ест!
– Кто, лисичка? Ест, то она ест, да кто же ей даст. Это только в сказках лисички курочек едят, а настоящим лисичкам курочки и не снятся. Зато некоторые хорошие девочки очень любят кушать курочек и лисички им завидуют.

Девочка смутилась от такого оборота и вспомнила, что она частенько ела курочку.

– Ну, студент, аппетит ребенку испортишь, – усмехнулся Егор и взял смущенную дочку на руки.

– Обидно за животных. В сказках делают из них жадных да глупых, а на самом деле все наоборот, это на некоторых людях печать ставить некуда.

Посмотри, что у меня есть, – я протянул девочке горсть кедровых орехов, – это мне белочка подарила.

Насчет доброты белочки я лукавил. Все было совсем не так. Ничего белочка мне не дарила и даже наоборот, я отобрал у неё чистенькую обработанную кедровую шишку, которую она тащила к себе в гнездо.

Девочка приняла орешки и опять взяла меня за руку.

– Ты нашей хибаре не удивляйся, – предупредил меня Егор, – живем пока в щитовом домике при библиотеке. Новый дом скоро рубить буду. Хочешь, покажу место?

Моросил мелкий, как пыль, дождик. Мне надоело мокнуть, но отказать хозяину было неудобно.

– Вы, женщины, идите домой, и разогревайте ужин, а мы с Анатолием скоро подойдем.

– Мне наденут платье с голыми руками, как у большой, – пообещала мне девочка, уверенная, что по случаю прихода гостя её приоденут.

Мы вышли на крутой берег. Внизу в сером мареве дождя едва виднелась река. Место действительно было грандиозное. Я сразу представил себе просторный дом и жарко натопленную горницу, из низких окон которой видна замерзшая река.

– Вот и бревна уже ошкурил, – похвастался Егор, – ладно, пошли домой, ты весь мокрый.

Дома Саша укладывала дочку спать и та горько плакала.

– Пожалуйста, наденьте на Оленьку платье с голыми руками, – громко попросил я, и заплаканная девочка сразу засветилась от счастья. Она покрутилась передо мной в длинном платье без рукавов и с открытой шеей. Я устроил девочке овацию, и она ушла спать.

Сели ужинать. На закуску хозяева подали черемшу и соленую горбушу, а главное блюдо – грибная солянка с луком и картошкой. Закончился ужин черничным компотом.

В маленькой гостиной вдоль одной стены стояли полки, сплошь уставленные книгами.

– Филиал библиотеки на дому Саша открыла, – усмехнулся Егор.

– Телевидения у нас нет, кино два раза в неделю. Знаете, как много читать стали особенно дети, – оживилась Саша, – жалко поздно уже, а то бы я вам формуляры показала.

– Может, и нам дадите что-нибудь почитать на пару дней, – попросил я.

– Конечно, выбирайте, пожалуйста.

– Подожди студент, – остановил меня Егор, когда я ринулся к полкам, – потом выберешь. Саша, спой нам, пожалуйста, – он зажег свечу и потушил свет.

Саша взяла гитару, тихо перебрала струны и запела удивительно душевным голосом:

– Мело, мело по всей земле

Во все пределы.

Свеча горела на столе,

Свеча горела.

Свеча горела на столе,

Свеча горела.

Мурашки побежали по коже. В оцепенении я дослушал до конца удивительную песню.

– Чья это песня? – спросил я.

– Музыка не знаю чья, а стихи Бориса Пастернака из «Доктора Живаго».

– А у Вас этой книги случайно нет?

– Случайно есть, только машинописная копия – книга же у нас не издавалась. Я ее в техникуме достала. Могу дать на неделю? – неуверенно предложила она.

– Спасибо.

Я взял в руки гитару, и мы до поздней ночи пели студенческие песни. Вспомнили всех бардов.

Мне постелили в гостиной на диване. Я не удержался и полночи читал под керосиновой лампой «Доктора Живаго».

Утром мы с Егором отправились вверх по реке. За пазухой в полиэтиленовом мешке у меня лежали отпечатанные на машинке листы. Километров восемь подъехали на мотоцикле, дальше шли пешком.

Только к вечеру вытащили вездеход и гусеницу. За ужином начальник выставил принесенную мной водку. Все благодарили Егора и уговорили его заночевать. Он разместился в палатке с шофером.

После ужина я спел Нику новую песню. Всю ночь мы читали «Доктора Живаго», передавая друг другу машинописные листы. Ник читал быстро и вскоре меня догнал и перегнал.

– Ты послушай, какая лирика! – воскликнул Ник и продекламировал: «При сверкании частых молний показывалась убегающая вглубь улица с нагнувшимися и бегущими в ту же сторону деревьями».

К утру мы дошли до стихов Юрия Живаго. Ник готов был заплакать. Я так и уснул с листами в руках.

Проснувшись, я увидел на брезентовом полу скомканные листы, вырванные из тетради. Ник лежал одетый, поверх спальника, отвернувшись к стене. Я поднял листок, развернул его и прочитал первую строчку стихотворения: «Страдать! Таков удел поэта».

Это было самое «страдательное» стихотворение Ника.

– Зачем ты испортил тетрадку? – я был уверен, что Ник не спит.

Он повернулся ко мне. Лицо его было недовольное.

– Счастливый ты, со своим «водоемом», – вдруг зло сказал Ник.

– А ты, значит, отстрадался! – я даже обиделся. – Теперь анекдоты записывай в свою тетрадку, хочешь, я начну диктовать?

– Извини, – вдруг буркнул Ник, – за водоем, – уточнил он.